

Г.С. Султангалиева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЮМА НАСЫРИ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И.К. ЗАГИДУЛЛИНА «ВЕЛИКИЙ ТАТАРСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ КАЮМ НАСЫРИ» (КАЗАНЬ, 2024)

Монографическое исследование профессора Ильдус Котдусовича Загидуллина «Великий татарский просветитель Каюм Насыри» (Казань, 2024) посвящено изучению одного из самых интересных периодов в истории тюркско-мусульманских народов Российской империи – вторая половина XIX в. – когда на историческую сцену вышли фигуры национальных просветителей – интеллектуалов, которые сочетали элементы традиционного и модернизированного мировоззрения и стремились к культурному подъему своих народов. Среди них можно назвать татарина просветителя Каюма Насыри (1825–1902), казаха Ибрагим [Ибрай] Алтынсарина (1841–1889), деятельность которых разворачивалась практически в одно время и в одних социально-политических условиях в составе Российской империи.

В этом контексте представляемая монография занимает важное место, поскольку она не только вводит читателя в интеллектуальную атмосферу эпохи, но и предлагает целостное исследование личности и наследия К. Насыри. Для понимания логики аргументации автора необходимо обратиться к структуре работы, которая выстроена таким образом, что последовательно прослеживает жизненный путь Каюма Насыри и многогранность его научного, педагогического и публицистического наследия. В этом отношении работа профессора И.К. Загидуллина представляет собой актуальное и своевременное исследование, несмотря на то что данная тема не относится к числу малоизученных. Актуальность монографии подтверждается, в частности, масштабным и критически выверенным историографическим обзором, включающим анализ дореволюционных, советских и постсоветских

трудов, посвящённых деятельности К. Насыри.

Особого внимания заслуживает раздел, в котором автор реконструирует эволюцию образа Насыри в советской историографии, выявляя существенный разрыв между исследованиями 1920-х гг. и работами 1940–1980-х гг. Загидуллин убедительно показывает, что идеологические ограничения советского периода предопределили противоречивый характер развития исторической науки, в рамках которой лишь фигура К. Насыри могла быть вписана в жёсткие параметры официального дискурса и представлена как «правильный» символ татарского просветительства. Такой анализ позволяет увидеть не только трансформацию исследовательских подходов, но и сложный процесс адаптации научного знания к идеологическим установкам эпохи (с. 19–21).

Схожие механизмы идеологического конструирования прослеживаются и в советской трактовке личности Ибрагим Алтынсарина, хотя динамика его «открытия» наукой была иной. До конца 1940-х гг. Алтынсарин фактически находился в тени и не занимал заметного места в историко-педагогическом нарративе. Однако в конце 1940-х – начале 1950-х годов он был полностью реабилитирован и занял место в пантеоне «правильных» национальных деятелей, соответствующих требованиям официальной идеологии. Именно в этот период Алтынсарин начинает характеризоваться как «выдающийся педагог, поэт, просветитель и мыслитель», как «крупнейший общественный деятель казахского народа, пропагандировавший необходимость перенятия передовой русской культуры». [Косач, 1998: С.110-130] как мы видим, сравнение двух историографических традиций демонстри-

рует общую логику советской науки: включение или исключение просветителей из национального канона определялось не столько реальными масштабами их деятельности, сколько степенью их соответствия идеологическим ожиданиям.

Опираясь на богатый комплекс архивных источников, малоизвестные публикации и труды самого К. Насыри, автор предпринимает методологически выверенную попытку реконструкции и интерпретации его исследовательского наследия. Такой подход, сочетающий элементы интеллектуальной истории, микроисторического анализа, позволяет проф. И. Загидуллину по-новому раскрыть внутренний мир просветителя, его представления о собственной социальной миссии и те аспекты биографии, которые ранее оставались на периферии исследовательского внимания. Особое место в монографии занимает анализ трансформации мировоззрения К. Насыри в ходе его педагогической деятельности, прежде всего в период преподавания татарского языка в православных учебных заведениях, включая Казанскую духовную семинарию. Автор убедительно аргументирует, что согласие Насыри принять приглашение на работу в русское духовное учебное заведение нельзя интерпретировать исключительно в категориях конфессионального давления или вынужденного компромисса. Загидуллин демонстрирует, что этот шаг выступал для Насыри формой личного вызова мусульманскому сообществу и одновременно возможностью расширения горизонтов собственной профессиональной и культурной самореализации. По мнению автора, обращение Насыри к новой образовательной среде выявляет существенные черты его личности – стойкость внутреннего убеждения, отсутствие страха перед возможной утратой религиозной идентичности и стремление к самосовершенствованию. Работа в православной школе открывала для него новые ресурсы развития: совершенствование русской грамоты, укрепление собственной педагогической методологии и, что подчёркивает Загидуллин, «чувство полезности для современного общества» и даже «спасительную возможность избавиться от душевного одиночества» (с. 68). В этом ключе, Насыри предстает не только как просветитель, но и как интеллектуал, сознательно использующий межкультурные контакты для формирования собственной идентичности и реализации просветительской программы.

Далее И. Загидуллин тонко анализирует трансформацию взглядов К. Насыри на роль

русского языка, особенно в период его педагогической деятельности в русских учебных заведениях. Автор убедительно показывает, что если на раннем этапе Насыри воспринимал русский язык преимущественно как прагматический инструмент коммуникации с представителями региональной администрации и русским населением, то опыт преподавания и погружение в русскоязычную образовательную среду радикально расширили его представления о функциях языка. Русский язык стал для него не только средством социального взаимодействия, но и каналом доступа к современным научным знаниям, которые он стремился адаптировать и распространять среди единоверцев. Именно с момента осознания этого К. Насыри стал разрабатывать и реализовывать свои просветительские проекты. Ярким проявлением этого явилась идея К. Насыри издание газеты «Таң йолдызы» (совместно с М. Яхиным) на татарском языке для распространения полезной информации и расширения интереса к истории и культуре своего народа, создавая этим самым единое информационное и культурное пространство. Несмотря на ограничения со стороны правительства, Насыри с 1871 по 1897 гг. издавал настольный календарь полужурнального типа, который фактически выполнял роль альтернативного периодического издания и был ориентирован на просвещение татарского общества. Не случайно Н. Катанов, цензор Казанского временного комитета по делам печати, отмечал особую значимость трудов Насыри для развития татарской культуры. [ГА РТ Ф. 420. Оп. 1. Д. 150. Л.5об.] Как мы видим, К. Насыри сумел создать общую площадку для обсуждения вопросов образования своего народа, политических и культурных новостей и этим самым внес свой вклад в оформление групповой идентичности.

Подобные процессы наблюдались и в других регионах империи. Так, деятельность инспектора народных училищ Тургайской области Ибрагим Алтынсарина, работавший в иной части имперского пространства, придерживался аналогичной идеи: для расширения образования среди казахов необходимо средство социальной коммуникации – периодическое издание на родном языке. В январе 1880 г. И. Алтынсарин предложил проект «Киргизской газеты», которая должна была отражать повседневную жизнь казахского общества и служить каналом распространения знаний [Алтынсарин:1979. С.302]. Эти шаги К. Насыри и И. Алтынсарина можно

рассматривать в русле концепции Б. Андерсона о «печатном капитализме», что позволяют по-новому интерпретировать усилия тюрко-мусульманских просветителей второй половины XIX века по созданию национальных периодических изданий.

Значительный исследовательский интерес представляет раздел монографии, посвящённый анализу круга общения К. Насыри. Автор использует подходы, близкие к просопографическому и социально-сетевому анализу, реконструируя многослойное сообщество, с которым был связан просветитель. В центре внимания оказывается его взаимодействие с представителями различных социальных и профессиональных групп – от востоковедов Казанского университета (В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова), библиотекаря-ориенталиста И.Ф. Готвальда и казанских купеческих кругов до шакирдов медресе разных городов Российской империи, тюрко-мусульманского интеллектуального сообщества Казани и собственных односельчан. Такая многоплановая реконструкция позволяет увидеть Насыри как фигуру, находившуюся на пересечении академической, религиозной, образовательной и локальной общинной сред. Особую ценность представляет внимание автора к изменчивости образа К. Насыри в восприятии его современников. Посредством приёмов микроисторического и эго-документального анализа автор выявляет разный «социальный облик» просветителя: открытый, жизнерадостный и общительный в воспоминаниях его земляков, и – напротив – закрытый, отстранённый, склонный к пессимизму в оценках со стороны мусульманского духовенства. Через эти контрастные свидетельства автору удаётся реконструировать не только внешние связи Насыри, но и его эмоциональный мир, внутренние противоречия и переживания, что соотносится с современными подходами истории эмоций и культурной антропологии интеллектуалов.

И.К. Загидуллин сумел показать сложную структуру социальных связей просветителя и их влияние на его мировоззрение, педагогическую деятельность и общественную позицию. В контексте рассмотрения взаимодействия К. Насыри с внешним миром представляется обоснованным выдвинуть предположение о том, что Ибрагим Алтынсарин и Каюм Насыри, работавшие в один период и принадлежавшие к единому просветительскому полю тюрко-мусульманских народов Российской империи, едва

ли могли не знать друг о друге. Их профессиональные интересы, а также пересечение социальных и интеллектуальных сетей создавали условия для возможного знакомства – прямого или опосредованного. Среди значимых посредников следует упомянуть Н.И. Ильминского, идеолога просвещения нерусского населения Российской империи, директора Казанской учительской семинарии, с которым Алтынсарин находился в многолетней переписке и встречался в Казани в 1876 г. Ильминский, глубоко вовлечённый в образовательное движение среди татар и казахов, несомненно был хорошо информирован о деятельности К. Насыри, что делает вероятным знакомство Алтынсарина с его трудами. Другим возможным каналом интеллектуального взаимодействия выступает фигура татарского востоковеда Хусейна Фаизханова, преподавателя арабского и персидского языков восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Фаизханов, познакомившийся с Алтынсарином через Ильминского, в 1860 г. находился в Оренбургском крае, где собирал материалы по казахскому языку для своих исследований и активно обсуждал с Алтынсарином идею распространения светского образования среди тюрко-мусульманского населения. Близость их взглядов подтверждается тем, что Фаизханов в письмах называл Алтынсарина «сыном казахского народа», подчеркивая его миссию в просветительском движении. [Усманов, 1963. С.54-56]. Даный подход открывает новые исследовательские перспективы для дальнейшего изучения общих интеллектуальных сетей, внутри которых циркулировали идеи, образовательные проекты и тексты, которые оказывали взаимное влиянием способствовали трансферу знаний внутри мусульманских интеллектуальных сообществ XIX века.

Далее И.К. Загидуллин убедительно раскрывает вклад К. Насыри в развитие учебной и методической литературы, грамматики татарского языка, научной терминологии на родном языке. Этим самым И.К. Загидуллин подчеркивает процесс институционализированного формирования новых «традиций» письменности и научного языка, которые впоследствии стали элементами национального культурного кода.

Особый интерес представляет заключительный раздел монографии, в котором анализируются научные труды К. Насыри через призму имперского производства знаний. Автор убедительно демонстрирует, что Насыри выступал

не только как собиратель и систематизатор этнографического материала, но и как активный участник формирования той интеллектуальной рамки, в пределах которой Российская империя конструировала знания о «местных» народах. В 1880 г. в Петербурге была опубликована статья К. Насыри «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суннитского магометанства» (с предисловием проф. В. В. Григорьева). Позднее, в 1896 г., на страницах «Известий Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, действительным членом которого он состоял, вышли его материалы «Образцы народной литературы казанских татар: загадки, пословицы, песни» (1896, т. 13, вып. 5). Публикация включала 28 загадок, 243 пословицы и 145 песен, что свидетельствует о масштабной и системной работе Насыри по фиксации и сохранению устного народного творчества татарского народа

Схожим образом научные интересы Ибрагая Алтынсарина вписываются в логику колониального знания. Его доклады и статьи по казахским свадебным и похоронным обычаям, опубликованные в «Записках» Оренбургского отдела ИРГО (1870), выполняли двойную функцию: они представляли имперским институтам эт-

нографическую информацию и одновременно выступали средством самоописания казахского общества. Вступление Алтынсарина в Оренбургское отделение Русского географического общества в 1874 г. свидетельствует о признании его роли в производстве знаний и подчёркивает, что представители кочевой элиты становились важными соавторами имперского академического дискурса, а не только его объектами. Работы, К. Насыри и И. Алтынсарина демонстрируют переход от односторонней модели колониальной этнографии к более сложной системе совместного производства знаний, где локальные интеллектуалы участвуют в формировании способов понимания и описания собственной культуры в рамках имперских научных институтов.

Таким образом, монография И.К. Загидуллина представляет собой значимый вклад в изучение интеллектуальной истории тюркско-мусульманских народов Российской империи. Автор сумел представить целостный и глубокий анализ личности татарского просветителя Каюма Насыри. Исследование представляет безусловный интерес для историков, филологов и культурологов и может служить надёжной основой для дальнейших работ по истории просветительства и имперской культуры.

Литература

1. ГА РТ Ф.420.Оп.1. Д.150. Л.5об.
2. Алтынсарин И. (1975) Собрание сочинений в трех томах. Т.1 : сборник / Ред.: Нусупбеков А., Кенесбаев С., Сулейменов Б. – Алма-Ата : Наука, – 360 с.
3. Косач Г.Г. (1998) Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени. // Вестник Евразии №1-2. С. 110 -130
4. Усманов М.А. (1963) Неизвестное письмо Ибрагим Алтынсарина. // Вестник АН КазССР. №12, С. 53-56.